

УДК 94(517)
ББК 63.5(5Мон)

ДОНЕСЕНИЯ О МОНГОЛАХ СИНЬЦЗЯНА В 1920-х гг.

The Reports on the Mongols of Xinjiang in the 1920s

С. Л. Кузьмин (*S. Kuzmin*)¹

¹кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Ph.D. of History, Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences). E-mail: ipe51@yahoo.com

В статье приводятся сведения об общественной, религиозной и политической жизни монголов Синьцзяна из сводок разведки, находящихся в трех российских архивах. Главной целью монголов Синьцзяна в этот период было достижение максимальной самостоятельности, вплоть до независимости от Китая, но при сохранении старой системы управления. Не исключались альянсы с другими монголами. Авторитет духовенства в решении не только религиозных, но и мирских дел был выше, чем таковой светских лиц. Буддийское духовенство в Синьцзяне было неформальной теократической структурой с харизматическим типом легитимности власти.

Ключевые слова: монголы, ойраты, торгуты, буддизм, Синьцзян, Китай.

The article considers the information on the social, religious and political life of the Mongols in Xinjiang presented in the intelligence service reports stored in three Russian archives. According to the reports, in the 1920s the Mongols of Xinjiang composed three groups: Mongols from the Ili Valley and Tarbagatai Mountains; nomads of Kabuk-Saur Ridge in the Altai Region and a part of the Tarbagatai nomads; Torguts and Khoshuts of the Karashar Region – the most numerous of all the groups. The statistical data in the reports included the groups which had in their ethno-genesis Tibetan and Turkic origin as well.

Most of the Xinjiang Mongols are Buddhists, and almost in each family there was one member as a monk. Higher lamas were usually equitable and fair, so they were very influential. Two reincarnate lamas used to live there. The land of the Torguts was estimated as a self-dependent state having had its own ruler named Tsavandorj with the title Khan-Wang. As a young boy Tsavandorj had a regent who tried to improve economy, obtain weapons and provide military training for the Torguts. Some of the Russian White Guards, who had retreated to Xinjiang during the Russian Civil War, assisted the regent. The Chinese authorities of Xinjiang forced Tsavandorj to renounce his power, captured him and started to educate him in Chinese manner.

The reports provide some details of this history as well as information on the religion and statistics of the Torguts. According to the reports, the Chinese authorities made many efforts to split Mongols. They practiced political spying and snitching as well as contributed to discords between Mongolian principalities and to assassination of Mongolian princes. The Xinjiang Mongols did not present a significant military power at that time, but the idea of national independence thrived among them. At that period, they sought maximum self-dependence or independence from China along with conservation of their old social and ruling system. The Buddhist theocracy in Xinjiang was an informal theocratic structure.

Keywords: Mongols, Oirats, Torguts, Buddhism, Xinjiang, China.

Исследования по истории Синьцзяна первых десятилетий после провозглашения Китайской Республики касаются в основном его властных и военных структур, экономики, международного положения, восстаний, китайского и тюркского населения, белогвардейцев и беженцев из России [Лучич 1913; Моисеев 2003; Петров 2003; Nyman 1977; Forbes 1986; Wang 1995; Lin 2007; Millward 2007 и др.]. Малоизученным оста-

ется положение монгольского населения, которое состоит из ойратов¹ и небольшого

¹ Ойраты, составлявшие основное население Джунгарского ханства, подверглись маньчжуро-китайскому геноциду в XVIII в. В 1771 г. началась миграция в пределы разгромленной цинскими войсками Джунгарии населения Калмыцкого ханства во главе с наместником ханства Убаши, и достигшие территории Джунгарии составили значительное население Синьцзяна.

числа выходцев из Внутренней и Внешней Монголии. В связи с этим представляют интерес советские разведдонесения 1920-х гг., сохранившиеся в российских архивах.

Монголы Синьцзяна в 1920-х гг. делились на три группы: 1) монголы долины Или и гор Тарбагатай; 2) кочующие по хр. Кабук-Саур в Алтайском районе и часть тарбагатайских; 3) торгуты и хошуты Карашарского района — самая многочисленная (у северной кромки пустыни Такла-Макан. — *С. К.*). Точных статистических данных о них нет, приблизительные данные таковы: монголы Карашарского княжества — 25 тыс. чел., Булугуна (река, текущая с зап. склона Алтайского нагорья. — *С. К.*) — 18 тыс., торгуты Шара-сумэ (сейчас г. Алтай — адм. центр Алтайского округа Синьцзяна. — *С. К.*) — 2500, торгуты Урунгу и Кара-Булуна (в районе Монгольского Алтая. — *С. К.*) — 18 тыс., торгуты Гучена (сейчас Чанцзи-Хуэйский авт. округ Синьцзяна. — *С. К.*) — 1 тыс., чахары и олэты Илийского края (район р. Или) — 28200, кара-калмаки (то же что соврем. сарт-калмаки Кыргызстана; происходят от ойратов. — *С. К.*) — 6 тыс., урянхи (тувинцы. — *С. К.*) — 4 тыс., монголы-киргизы (возможно, близки к кара-калмакам. — *С. К.*) — 2 тыс., хошуты — 1 тыс., племена сагр-чин — 60, монголы-тангуты урочища Цайдам — неизвестно [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 289–395, 389–395]. Таким образом, в донесениях монголами обозначены также группы, в этногенезе которых участвовали тибетцы или тюрки (монголы-тангуты, урянхи).

Большинство монголов Синьцзяна — буддисты, мусульмане редки. В каждой семье один член был монахом. Высшие духовные лица пользовались громадным влиянием. Монголы Синьцзяна в религиозном отношении подчиняются Далай-ламе. Из высших духовных властей в Синьцзяне было 2 гэгэна (перерожденных святых): в Юлдузе (в то время — дядя юлдузского торгутского вана) и на Кабук-Сауре (родной брат кабук-саурского торгутского князя). Ждали прибытия третьего гэгэна из Тибета для Тарбагатайского округа и района Шихо-Манас (у подножья Тянь-Шаня. — *С. К.*). «Для получения высшего духовного чина необходимо соответствующее происхождение, посвящение в монахи, соответствующий образ жизни и успех изучения ламаистского учения во всех подробностях, а также

крупная сумма денег для окончания образования в течение 5 лет в Лхасе. Поэтому гэгэнами являются лица высокообразованные, талантливые и знатные. Благодаря религиозной организации всякого рода приказы из Тибета и даже пожелания очень быстро и точно проводятся в жизнь. Таким образом, видно, что власть гражданская есть скорее придаток религиозного управления монгол». Монголы с важнейшими делами в большинстве случаев обращались не к властям, а к духовенству, которое решало вопросы самостоятельно и безапелляционно [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 845. Л. 89, 259–261].

«Торгуты представляют собой отдельное самостоятельное государство, управляемое своим ханом “Хан-ван”. Это 10-летний мальчик, ведущий линию от Галдан-Цэрэна. Регентом сейчас состоит его родственник Кегн-ноин (это титул гэгэн-нойон. — *С. К.*). При хане есть министр “туслаш”, управляющий всеми его делами и производящий сбор с населения скотом и ценностями. Есть 4 тайджи, заведующий судопроизводством и 5 гуздаев (волостных управлений)... Торгутский хан (очевидно, отец этого 10-летнего мальчика. — *С. К.*), считая себя независимым и самостоятельным, обзавелся оружием — русскими трехлинейками, купленными в большом количестве на Буратале (р. Боротала. — *С. К.*) во время отступления Дутова и Анненкова, а затем, пригласив русских инструкторов, стал обучать детей своих военному искусству. До апреля сего 1925 г. обучавшихся было 80 чел.» [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 832. Л. 136–136об.].

Гэгэн-нойон направлял деятельность на сплочение торгутов, повышение их благосостояния, был справедлив в решении тяжб, не всегда исполнял китайские приказы, стал популярным. Он пригласил из Кульджинского района инструктором белогвардейца Серебрякова. Тот разработал план военизации торгутов, в первый год обучил 3 тыс., из них 400 выделил как будущий комсостав для специального обучения. Китайцы пытались прекратить эти попытки, требовали у гэгэн-нойона выдачи русских, но он отвечал молчанием. Впоследствии Серебряков, приехав в Урумчи, был арестован и отправлен на восток. Гэгэн-нойон принимал меры к снабжению торгутов оружием, которое покупал у белогвардейцев и, якобы, у англичан через Кашгар. В ре-

зультате к 1925 г. у торгутов было 3 тыс. современных винтовок и якобы 200 тыс. патронов к ним. Открылись мастерские для ремонта оружия [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 178–180].

«В апреле с. г. Хана вместе с его регентом “Кеген-ноином” вызвал к себе урумчинский дудзюн (военный губернатор провинции. — С. К.), которых продержал до июля. Хан и регент вернулись к месту — на Юлдуз 25 июля сего 1925 г. Урумчинский дудзюн воспретил содержать войско и обучать в дальнейшем военному делу. Все наличное оружие отправлено в Урумчи. В октябре месяце с. г. хан и регент опять должны поехать к урумчинскому дудзюну, якобы им приказали зимовать в Урумчи для того, чтобы хана учить китайской грамоте» [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 832. Л. 136–136об.].

Итак, китайцы у гэгэна «вырвали обещание прекратить военное обучение». Но 150 из 400 чел. комсостава были отправлены в кочевья, где продолжили военную работу. Тогда китайцы, вызвав в 1925 г. малолетнего князя торгутов Цаван-Доржи в Урумчи, задержали его и окружили китайскими советниками. Однако гэгэн-нойон создал нечто вроде кооперации, в результате товары по калмыцким кочевьям распространялись по умеренным ценам, а от кочевников по твердым ценам принимали сырье. Под давлением китайцев гэгэн-нойон передал власть Цавану-Доржи. Гэгэн-нойон некоторое время возглавлял военный отряд, поддерживавший дудзюна, дал ему подписку в послушании. Китайские власти принимали меры, чтобы загладить трения, которые были до 1923 г. между прежней властью из дунган и китайцев с монголами: неправый суд, неоднократные осквернения, притеснения и закрытие монгольских буддийских храмов, оскорбление монгольского военного отряда дудзюном. Теперь уже сарты стали бояться восстания монголов: последних стало очень много в войсках — их отряд решили довести до 5 тыс. [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 178–180, 416–421].

Хотя в 1926 г. дудзюн стал проявлять «большое благоволение» к монголам, они не очень доверяли ему. Их верхушка хотела добиваться политической независимости, а дудзюн хотел их использовать как военный материал, и, как отмечено в сводке от 20.12.26, «по обыкновению постарается обмануть их политические надежды» [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 845. Л. 333–334].

Население Илийского округа на 1 января 1925 г. составляло 350 тыс. чел., из них калмыков (под которыми автор донесения понимал всех монголов. — С. К.¹) — 60 тыс., русских — 30 тыс., маньчжуров (сибо-солонны) — 45 тыс., китайцев — 40 тыс. Монголы жили обособленно от других народов, подчинялись Джен-Шоу-Ши, у него покупали все должности. Чахары (из Внутренней Монголии. — С. К.) жили по р. Боротала, разделены на 2 крыла. Всеми ими заведовал амбань в г. Куре. Каждой волостью управлял укурдай, или ухэрида, сумуном — зянга или сумун-чжанши. Ометы (возможно, олёты. — С. К.) разделялись на 3 волости. Монголы несли воинскую повинность (в основном охранную службу), выставляли людей, обычно бедноту. Качество войска было плохое. Поскольку духовенство было освобождено от этой повинности, монахов было очень много. У монголов второго сына в 6–7 лет отдавали в монастырскую школу. В каждой волости был монастырь, где постоянно находились 200–300 монахов. Над всеми ними в округе был Камбы-лама в монастыре «ометов» на р. Текес. Джен-Шоу-Ши построил в 1924 г. в крепости Куре громадный монастырь и пригласил Камбы-ламу. Тот пробыл там около года и весной 1925 г. вернулся в свой текесский монастырь [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 832. Л. 226–227, 256, 418–422]. Тогда губернатор пригласил влиятельного текесца Насым-Банту, ему выстроили «очень богатую квартиру», но он умер в мае 1926 г. [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 178–180].

Согласно донесению «На Текесе», там живут «калмыки зурган-сумуны» и «дурбун-сумуны» и киргизы. Все они находились под гнетом китайцев, их материальное положение из года в год ухудшалось. Во время бегства киргизов в 1916 г. с Текеса зурган-сумуны их грабили, а в 1920-х гг. беженцы стали возвращаться на родину и угонять скот (баранта) уже у калмыков. Те стали устанавливать караулы на границе. Информатор Адамов отмечал: «Ненависть калмыков к китайцам врожденная, они мечтают о присоединении к Монголии или к России». Развернулась «агитация о том, что

¹ Поскольку потомки калмыков, прикочевавших в 1771 г. на территорию Синцзяна, составляют подавляющее большинство ойратов этого региона, то использование данного этнонима по отношению ко всему монголоязычному населению Синцзяна вполне понятно. — *Ред.*

в Монголии произойдут события, калмыки составят союз и освободятся из-под ига китайцев» [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 832. Л. 137–138об., 256].

На Внешнюю Монголию монголы Синьцзяна в массе смотрели как на начинающееся монгольское освободительное движение, князя же и «прочие административные лица» пытались направить их умы лишь на национальное обособление и независимость, но не на изменение формы старого хошунного и сумунного управления. «Это им почти удастся, т. к. власть князей и духовенства, можно сказать, абсолютна, и потому думать о каком-либо изменении формы правления монгол ими недопустимо, ибо все, что будет сделано в этой отрасли, будет считаться осквернением старых традиционных обычаев и нарушением частной свободной жизни» [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 845. Л. 267]. Возможно, в связи с этим отношение их к СССР было отрицательным [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 81–84]. Тем не менее, большевики считали условия для революционной работы среди них очень благоприятными [АВПРФ. Ф. Референтура по Монголии. Оп. 6. Пор. № 30. Папка 113. Л. 210–213].

Китайцы, чтобы избежать объединения монголов, практиковали политический шпионаж, взаимные доносы, рознь между хошунами. Были случаи убийства монгольских князей. В силу своей разобщенности и малочисленности монголы Синьцзяна не представляли реальной военной силы. Но идея национальной независимости продолжала жить среди них [РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 842. Л. 289–395, 391].

Таким образом, монголами Синьцзяна в 1920-х гг. правили удельные князья, подчинявшиеся местной китайской администрации. Согласно изученным разведсводкам, их главной целью было достижение максимальной самостоятельности (при возможных альянсах с другими монголами)

вплоть до независимости от Китая, но при сохранении старой системы управления подданными. Однако авторитет религиозных деятелей в решении мирских дел был выше, чем у светских лиц. Следовательно, буддийское духовенство в Синьцзяне было неформальной теократической структурой с харизматическим типом легитимности власти.

Источники

- Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ).
Российский государственный военный архив (РГВА).
Центральный архив ФСБ (ЦА ФСБ).

Литература

- Лучич К. В.* Тарбагатайский округ Синьцзянской провинции в Западном Китае // Известия МИД. Кн. 1. 1913. С. 143–169.
- Мусеев В. А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. 346 с.
- Петров В. И.* Мятежное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Крафт+, 2003. 528 с.
- Forbes A. D.W.* Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: A Political History of Republican Sinkiang 1911–1949. Cambridge: CUP Archive, 1986. 376 p.
- Lin H.* Nationalists, Muslim Warlords, and the “Great Northwestern Development” in Pre-Communist China // China and Eurasia Forum Quarterly. Volume 5, No. 1. 2007. P. 115–135.
- Millward J. A.* Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang. New York: Columbia Univ. Press, 2007. 440 p.
- Nyman L. E.* Great Britain and Chinese, Russian and Japanese Interests in Sinkiang, 1918–1934. Esselte Stud., 1977. 165 p.
- Wang D.* Xinjiang of the 20th Century in historiography // Central Asian Survey. V. 14, № 2. 1995. P. 265–283.